

АНАС В. ХАЛИДОВ

НЕИЗВЕСТНЫЙ БИОГРАФИЧЕСКИЙ СЛОВАРЬ XII В.
ИЗ ХОРЕЗМА

Астраханскому книголюбу С. А. Алимову посчастливилось в 1938 г. приобрести для Института востоковедения АН СССР старинную арабскую рукопись. В одной из его регулярных посылок она поступила в Институт, где была занесена в инвентарь 1939 г. под номером 3251 и получила шифр С 2387. Первое печатное упоминание об этой рукописи относится к 1953 году и принадлежит В. И. Беляеву. В своем обзоре арабского фонда Института он выделил ее из общей массы рукописей, поступивших от С. А. Алимова, и отнес к числу нескольких „арабских манускриптов выдающегося интереса“¹. В. И. Беляев отметил, что рукопись „является биографическим словарем хорезмского происхождения XII в.“², а в другом месте того же обзора писал о ней: „дефектный анонимный сборник биографий различных ученых. Автор был младшим современником знаменитого хорезмского филолога и экзегета аз-Замахшари (ум. 538/1144 г.) и, очевидно, как и последний, был жителем Хорезма и приверженцем му‘тазилитства... Рукопись... относится, очевидно, ко времени автора, если не является его автографом“³.

Следы занятий В. И. Беляева над изучением рукописи сохранились в виде нескольких вложенных в нее листков с различными выписками; ему же принадлежат карандашные пометы о лакунах

¹ В. И. Беляев, *Арабские рукописи в собрании Института Востоковедения Академии Наук СССР*, — „Ученые записки ИВАН СССР“, т. VI, М.—Л., 1953, стр. 66.

² Там же, стр. 67.

³ Там же, стр. 76.

и пагинация листов. В связи с описанием рукописей биографического содержания ею занималась А. И. Михайлова. Мой покойный отец Б. З. Халидов извлек из рукописи биографию аз-Замахшари и использовал этот материал в докладе на I Всесоюзной конференции семитологов в Тбилиси⁴.

Рукопись в нынешнем виде насчитывает 193 листа большого формата 29,7 см в длину и 18,7 см в ширину. Текст размером 24,5 × 13,5 см, по 29 строк на странице переписан почерком *наسخ* (*наسخи*) буквами средней величины. Весь текст писан одним переписчиком черными чернилами, лишь надчеркивания заголовков и выделяемых слов и знаки разделения бейтов и *мисра* в стихотворных цитатах выполнены красными чернилами. Длина строк и расстояния между ними выдержаны строго и ровно, только изредка 1—2 слова выходят за пределы строки на поля, на которых встречаются также поправки и дополнения рукой переписчика. В целом письмо переписчика следует признать разборчивым, немного привыкнув его можно читать без особых затруднений, разумеется, если оно не повреждено. Правда, знаки огласовки в нем появляются редко, диакритические точки поставлены весьма скупо.

На полях изредка встречаются приписки, принадлежащие по всей видимости одному или двум читателям и сделанные лишь немного времени спустя после ее переписки. Кустоды, проставленные почти всюду, двоякого происхождения: одни принадлежат самому переписчику, другие относятся к значительно более поздней эпохе (среди последних встречаются и не вполне грамотные). Постраничная восточная пагинация, также недавнего происхождения, начата на л. 16 и доведена до л. 316 черными чернилами; позднее она была продолжена синим карандашом до конца рукописи.

Бумага восточного (самаркандского) производства, плотная, лощеная, побуревшая от времени, с пятнами различного происхождения (от сырости, жировые и т. п.). Листы местами поточены червем, по краям потрепаны, в особо плохом состоянии находятся начальный и последний листы, где текст местами стерт. Рукопись реставрировалась одним из последних владельцев до поступления в Институт и многие листы у переплета, а иногда и по краям под-

⁴ Б. З. Халидов, *Замахшари (о жизни и творчестве)* — „Семитские языки“, вып. 2 (ч. 2), Материалы Первой конференции по семитским языкам 26—28 октября 1964 г., М., 1965, стр. 542—556.

клеены полосками тонкой белой бумаги, на л. 114 заклеена дырка, захватившая три строки текста. По-видимому, тогда же рукопись была сшита, заключена в картонный переплет, ныне изрядно распатанный и пришедший в ветхость; 16-й лист при этом попал не на место, он должен находиться после 20-го; ряд листов от переплета отстали и выпадают. В начале рукописи вклеены 8 тетрадных листов в линейку, на которых некий читатель (С. А. Алимов?) составил оглавление рукописи, не лишенное ошибок и пропусков.

Рукопись, как отмечалось, дефектна, т. е. не имеет ни начала, ни конца. С первых ее строк мы читаем продолжение биографии ‘Абдаллаха б. ал-Мубарака ал-Хурасани, второй идет статья о ‘Абдаллахе б. ‘Абд ал-Хакаме, далее также следуют биографии лиц, имена которых начинаются на букву ‘айн, затем — на буквы *гайн*, *фа*, *каф*, *мим*, *нун*, *вав*, *ха*, *йай*, т. е. до конца арабского алфавита. После этого идут биографии лиц, известных только по куньям, и рукопись обрывается в середине статьи о Абү Бакре б. ‘Аййаше. Следовательно, биографический словарь построен по алфавитному принципу и разделен в соответствии с числом букв на 28 глав (*баб*). Прибавленная в конце 29-я глава (о лицах известных только по куньям) названа *зикр* („упоминание“ или „перечень“). Простой арифметический подсчет показывает, что сохранился неполный текст 10 глав из 29, т. е. примерно около одной трети сочинения, а около двух третей в начале утрачено. В конце рукописи не хватает лишь одного или двух листов, в лакунах (после лл. 8, 14, 15, 20) пропало еще несколько листов. На имеющихся в наличии 193 листах (386 страниц) уместилось 277 биографий, из которых 4 граничат с лакунами и содержат неполный текст. Отсюда мы можем предположить с определенной долей уверенности, что сочинение в полном виде занимало около 600 листов (1200 страниц) и включало примерно 800—900 биографий. Для сравнения напомним, что знаменитый *Вафайят ал-а’йан* Ибн Халликаня содержит 865 биографических статей, а *Та’рих Багдад* Абү Бакра ал-Хатйба — 7831.

Из приведенных цифр можно заключить, что в среднем на биографическую статью приходится по 1,3 страницы или около 40 строк. На самом деле, конечно, биографии неодинаковы по объему. Полтора десятка обширных статей занимают почти половину рукописи, а другая половина приходится на остальные 262 биографии, объем которых колеблется от 2—3 строк до 40—45 строк.

Заглавием каждой статьи служит крупно выписанное имя лица, биографии которого она посвящена. Статьи на одну букву алфавита, как уже говорилось выше, составляют главу (*бāб*). Внутри глав помимо алфавитного порядка вводится также хронологический принцип. Сначала идут статьи о представителях 1-го поколения мусульман, так называемых „сподвижниках“ Мухаммада (*сахаба*). Эта группа биографий только в последней главе отмечена особым заголовком (л. 190б). Группа биографий лиц следующего поколения (*таби'ун*) объединяется подзаголовком в ряде глав (лл. 70а, 74б, 163б, 170б, 172а). В объемистой главе на букву 'айн появляются такие подразделения: *Ман исмуху 'Абд ар-Рахман* (л. 21а), *Ман исмуху 'Абд ал-Малик* (л. 27а), *Ман исмуху 'Ата* (л. 34а), *Ман исмуху 'Амир* (л. 36а), *Зикр асма' муффада мин ал-'айн* (л. 41а), *Ман исмуху 'Амр* (л. 48а). В пяти случаях пространные биографические статьи делятся на разделы (*фасл*).

Таковы основные внешние данные о рукописи и строении сочинения. Ввиду ограниченного объема настоящей статьи, анализ содержания и источников сочинения отложим до другого раза, а пока попытаемся раскрыть интригующую анонимность сочинения.

В рукописи обнаружилось много личных моментов, касающихся автора. Он постоянно присутствует на страницах книги, довольно часто говорит в первом лице, ссылается на свои „записи“ (*мактубати*), „услышанное“ (*масму'ати*), „извлечения“ (*мунтахабати*), „сборники стихов“ (*маджму'ати*); упоминает ряд своих сочинений: *ал-Мунтахā фи-л-газавāt* („Предел желаемого о походах“, лл. 74б, 141б), *Китаб сифāt ас-салихāt ва 'адāt ал-'абидāt* („Книга о добродетелях и обычаях благочестивых женщин“, л. 70а), *Фиддат ал-мунā ва канз ал-гунā* („Серебро желаний и сокровище приобретений“, л. 80а), *ал-Мустақсā* („Изученное“, л. 142а), *Манāкиб Аби Ханифа* („Достоинства Абу Ханифы“, л. 142б), *Манāкиб Малик* („Достоинства Малика“, л. 161а), *Сийар ал-қудāt* („Жизнеописания судей“, лл. 115а, 118б, 176а), отрывок из последнего сочинения выписан также на полях л. 181а. Он ссылается на услышанный в детстве от служки соборной мечети рассказ (л. 121б); сообщает, что знаменитый аз-Замахшарī в свое время немного учился адабу у его деда по матери и знал его сызмалу; в свою очередь наш автор в 533/1138—39 г. явился к аз-Замахшарī и познакомился с ним (*салламту 'алайхи*), однако разные обстоятельства

или препятствия (*'авā'ик*) помешали ему учиться у него, и он всю жизнь вспоминал об этом с горечью (л. 137б).

Своему несостоявшемуся учителю он посвятил прочувствованную и очень интересную статью, которая содержит ряд фактов, неизвестных из других источников.

Мы узнаем также, что учиться нашему автору довелось в Хамадане (лл. 93б, 97а, 99а, 113а, 146а) у Абū-л-'Алā' ал-Хāфиза (лл. 41а, 95а, 126б, 161а, 193б), в частности по книге последнего *Китаб ат-тамхид фи ма'рифат ат-таджвīд* („Введение в изучение рецитации Корана“, лл. 38а, 174б) и по *Сахīху* ал-Бухārī (л. 113а). Кроме того, он „слушал“ (*самити*) в Хорезме, т. е. Гургандже (лл. 80а, 93б, 142б), Рее (л. 99б), Багдаде (л. 142б) и Асадабаде (л. 80а).

В 545/1150—51 г. автор совершил *хаджж* (лл. 99б, 188б) и по пути побывал в Багдаде, где он посетил могилу имама Мусы б. Джа'фара (л. 76а) и халифа ал-Амина (л. 188б); в Рее, где он слушал *қадī-л-қудāt* Мухаммада б. Мухаммада б. ал-Хасана ал-Астрабади в месяце рамадане (л. 99б); в Джабал-Табараке он посетил могилу Мухаммада б. ал-Хасана аш-Шайбанī (л. 99б), а в Медине — могилу Малика б. Анаса (л. 126а).

Он состоял в переписке с Абū Са'дом Мухаммадом ас-Сам'анī (л. 113а) и писал свой труд после его смерти, ибо каждое упоминание его имени сопровождается формулой, применяемой к покойному (*рахимаху аллах*). С большим почтением называя ас-Сам'анī *тадж ал-ислам* („венец ислама“), он много раз и по разным поводам ссылается на услышанные от него или полученные через его посредство сведения (лл. 99б, 102а, 156б), а также называет семь его сочинений в качестве своих источников; при этом о существовании некоторых из названных им сочинений становится известно впервые.

В близких отношениях состоял наш автор с Абū-л-Му'аййадом Муваффахом б. Ахмадом ал-Макки по прозвищу Ахтаб ал-хутаба' („Превосходнейший проповедник“), любимым и преданным учеником аз-Замахшарī. Его он почтительно называет „учителем“ (*устāз*), „нашим шейхом“ (*шайхунā*) и „оплотом шариата“ (*садр аш-шарī'a*); ссылается на него как своего информатора (лл. 42б, 138б); сообщает, что по его просьбе писал биографию одного подвижника (л. 176а), цитирует его стихи о Абū Ханифе (л. 160б)

и двух его сподвижниках (лл. 170б, 180а), элегию на смерть аз-Замахшарӣ (л. 139б). Значительная часть биографических данных о последнем представляет цитату из сочинения Муваффақа б. Аҳмада *ал-Арба'ун* (лл. 138б—140а), либо приведена со ссылками на него (л. 141а). Кстати говоря, этот автор зафиксирован в двух разделах труда К. Брокельмана⁵ под разными частями своего имени, но с одинаковой датой смерти — 568/1172 г. Названное сочинение до наших дней не сохранилось и потому у Брокельмана не отмечено.

В исследуемой рукописи автор упоминает еще ряд своих современников, ближе нам неизвестных: некоего Шайх ал-қудат, у которого он „слушал“ в Хорезме, т. е. в главном городе Хорезма Гургандже (л. 93б); *қадӣ-л-қудат* Абӯ Абдаллаха Муҳаммада б. Муҳаммада б. ал-Ҳасана ал-Астрабадӣ, которого он слушал в Рее в 545/1150—51 г. на пути в *ҳаджж* (лл. 32а, 99б); имама Абӯ Тахира Муҳаммада б. Абӯ Бакра аш-Шиндрӣ, который прислал ему письмо вместе с ас-Сам'анӣ (л. 113а); некоего Садр ал-а'имма, который рассказывал об одном эпизоде по-хорезмийски (л. 120б, 2-3), а наш автор, следовательно, его понимал; некоего шейха по имени Халил или Джалил (л. 121а — без диакритических точек); своим другом (*садиқӣ*), цитировавшим чужие стихи о аз-Замахшарӣ, он называет Абӯ-л-Ма'алӣ Абдаллаха б. 'Али ал-Ҳакимӣ аз-Замахшарӣ (л. 141а); его информатором был Абӯ Салих 'Абд ар-Раҳим б. 'Умар ат-Тарджуманӣ, который 7 лет изучал у аз-Замахшарӣ „ал-Кашшаф“ и другие предметы (л. 140а); еще одним своим другом и информатором он называет Муҳаммада ал-Ҳаджж, который провел жизнь, сопутствуя „Гордости Хорезма“, т. е. аз-Замахшарӣ (л. 141а), а потом стал учеником нашего автора, слушал у него „ал-Фирдаус“⁶ вместе с шейхом ал-Қадӣбӣ и слушал его собственные сочинения (*му'аллафатӣ*, л. 141а).

Итак, многое можно извлечь из рукописи С 2387 об авторе этого биографического словаря: в 533/1138—39 г. он явился, по-видимому еще юношей, к аз-Замахшарӣ (ум. 538/1144 г.), учился в Гургандже и Хамадане, совершил в 545/1150—51 г. паломничество

⁵ С. Brockelmann, GAL, SB I, 623, N 8с; 642, N 16а.

⁶ По-видимому, речь идет о *Фирдаус ал-ахбар* Абӯ Шуджа' Ширавайха б. Шахридада б. Фаннахусрау ал-Хамаданӣ ад-Дайлами (ум. 509/1115 г.), собрании 10 тыс. кратких преданий, расположенных в алфавитном порядке, см. С. Brockelmann, GAL, I, 344, N 5, 3.

в Мекку, побывав при этом в Рее и Багдаде, усердно собирал хадисы и изучал традиционные мусульманские науки, придерживался, судя по содержанию ряда биографий, ханифитского *мазхаба* и му'тазилитской ориентации; он понимал по-хорезмийски, переписывался с ас-Сам'анӣ и тесно общался с учениками аз-Замахшарӣ, занимавшими весьма видное положение в тогдашнем обществе (*шайх ал-қудат*, *садр ал-а'имма*). Наконец, будучи уже опытным автором по меньшей мере 6 сочинений он составлял этот биографический словарь после смерти ас-Сам'анӣ (ум. 562/1167 г.) и Муваффақа б. Аҳмада (ум. 568/1172 г.), т. е. где-то в конце VI/XII в. По-видимому, перед нами действительно лежит автограф этого сочинения, как это предполагал В. И. Беляев.

Однако из рукописи мы не можем узнать его имени. Ни одно из упоминавшихся его сочинений, очевидно, не уцелело, в каталогах и справочниках не зафиксировано, несмотря на то, что в свое время и в своем кругу он был заметной личностью и плодотворным автором. Монгольское нашествие на Хорезм и последующие события, надо полагать, уничтожили много рукописей и стерли имена их авторов.

Все же поиски имени автора в справочниках оказались не совсем безрезультатными. У Брокельмана зафиксирован традиционалист VI/XII в. Абӯ-л-Карам 'Абд ас-Салām б. Муҳаммад б. ал-Ҳасан б. 'Али ал-Ҳиджӣ ал-Фирдаусӣ ал-Ҳ'аризмӣ ал-Андарасфанӣ⁷, который по времени и месту жизни вполне мог бы быть автором рассматриваемого сочинения. Он носит *нисбу* ал-Х'аризмӣ — наш автор также рос, учился и жил в Хорезме; другая его *нисба* ал-Ҳиджӣ, как отмечают Брокельман и Стори, представляет специфически хорезмскую форму для обозначения *ҳаджжӣ* — наш автор также совершил паломничество в Мекку и мог носить такую *нисбу*. Самое же главное, ему принадлежало сочинение *ал-Мустақса*⁸, в котором на основании *Сахихов* ал-Бухарӣ и Муслима и *ал-Муваттā* Малика б. Анаса излагалась история Муҳаммада, ранних арабских завоеваний, первых четырех халифов и ал-Ҳасана; оно сохранилось лишь в рукописи персидского перевода XV в.⁹ Из биографического

⁷ GAL, I, 365, N IO; SB I, 624.

⁸ Оно представляло расширенную переработку более раннего сочинения того же автора *ал-Муджтала*.

⁹ Storey C. A., *Persian Literature. A bio-bibliographical Survey*, vol. I, London, 1935, p. 177—178.

словаря нашего автора мы знаем, что подробный рассказ о том, как до халифа Омара I дошла весть о взятии Нихавенда и гибели назначенного им военачальника Ну'мāна б. ал-Муқаррина, он подробнее изложил в своей книге *ал-Мустақъā* (л. 142а). Совпадение названий говорит как будто о том, что речь в обоих случаях идет об одном и том же сочинении. Это предположение и послужило отправной точкой для наших рассуждений и дальнейших поисков.

Еще одно сочинение 'Абд ас-Салāма б. Муҳаммада ал-Андарасфāнī сохранилось в арабском оригинале и отмечено у Брокельмана на основании каталога мосульских библиотек и каталога арабских рукописей в собрании Принстонского университета; называется оно *ал-Джāми' ал-бахī лидā'ват ан-набī* и написано в 564/1169 г., т. е. во время литературной активности нашего автора; оно делится на 160 глав и включает 1530 молитв, приписываемых пророку Муҳаммаду — содержание его связано с мусульманским преданием и входит в круг основных интересов автора словаря; в нашей рукописи, правда, это сочинение не упоминается.

Как кажется, у нас достаточно оснований для того, чтобы признать упомянутого Абū-л-Карама 'Абд ас-Салāма б. Муҳаммада б. ал-Хасана б. 'Али ал-Хиджī ал-Фирдаусī ал-Хвāризмī ал-Андарасфāнī автором биографического словаря, представленного нашей рукописью, пополнить список его сочинений и лучше осветить его жизнь. Однако могут возникнуть сомнения в бесспорности такого вывода.

Решающее доказательство мы усматриваем в еще одном показании нашей рукописи. Обратимся к *нисбе* ал-Андарасфāнī. Стори в особом примечании поясняет, что возникла она как искажение от названия селения Андарастāн, расположенного в 1 дне пути от Гурганджа. В рукописи же приводившийся выше рассказ о том, что аз-Замахшарī знал нашего автора с детства и учился у его деда по матери, имеет следующее продолжение. „Когда умер брат моей матери (*хāли*) он т. е. аз-Замахшарī, — а он тогда еще был в начальной школе (*ал-куттāб*), — написал моему деду письмо с соболезнованием и извинением за то, что не пришел из Замахшара в Андарасбāн“ по причине своего физического недуга (л. 137б)¹⁰.

Этот отрывок подтверждает, очевидно, существование в Хо-

резме населенного пункта Андарасбан¹¹ и правильность *нисбы* происходившего из него человека ал-Андарасбāнī, в иранской форме ал-Андарасфāнī, а также хорошо подкрепляет сделанный выше вывод об атрибуции биографического словаря, представленного дефектной рукописью ЛО ИВАН СССР, к автору, имя которого известно из других источников.

Таков итог предварительного изучения рукописи, к которой бесспорно будут еще обращаться исследователи творчества ас-Сам'āнī и аз-Замахшарī и арабоязычной литературы домонгольского Хорезма, так как по всем этим вопросам она дает свежий ранее неизвестный материал.

¹¹ Фонетическое превращение топонима Андарастāн в Андарасбāн, очевидно, исключено. Более вероятно, что форма Андарастāн, подкрепленная лишь одной из имевшихся в распоряжении издателя рукописей, возникла в тексте ал-Истахрī случайно (см. ВГА, I, стр. 302).

¹⁰ Известно, что аз-Замахшарī рано потерял одну ногу.